

Научная статья
УДК 101.1:82.29.03
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-15-24

ПРОВОКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ И САМООСУЩЕСТВЛЯЮЩИЙСЯ ПРОГНОЗ

Яков Юрьевич Васильев

*Ухтинский государственный технический университет, Ухта, Россия
vas.74@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8539-682X, AuthorID РИНЦ: 656234*

Аннотация. *Цель статьи* — описание ситуации провокативного действия в контексте самоосуществления прогноза. Условия возникновения самоосуществления или саморазрушения прогнозов изучены слабо и требуют особого внимания, так как связаны с улучшением методологии прогнозирования и пониманием процессов, происходящих в социальной реальности. Провокация как форма социального действия может выступить таким условием.

Методологической основой работы выступают сравнительный и предметно-содержательный анализ, системный подход, метод описания и сопоставления отдельных фактов с элементами теоретических положений.

Результаты исследования. На примере истории взаимодействия России и НАТО сделано обоснованное предположение, что провокация как целерациональное действие, или как следствие последовательных решений одностороннего порядка, может породить ситуацию самоосуществления прогноза. Это возможно в следствие особой детерминации провокативного процесса, вызванного прежде всего аксиологическими основаниями этих действий.

Перспектива исследования связана с дальнейшим углублением наших познаний о механизмах и процессах взаимодействия прогнозов и прогнозируемой реальности.

Ключевые слова: провокация как социально-психологический и политический феномен, свобода и детерминация, аксиологические установки, положительная обратная связь, прогностический парадокс, самоосуществление прогноза, эффект Эдипа

Для цитирования: Васильев Я. Ю. Провокативное действие и самоосуществляющийся прогноз // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №6. С. 15–24. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-15-24>.

Original article

PROVOCATIVE ACTION AND SELF-FULFILLING PREDICTION

Yakov Yu. Vasiliev

*Ukhta State Technical University, Ukhta, Russia
vas.74@mail.ru ORCID: 0000-0002-8539-682X*

Abstract. *The purpose of the article is to describe the situation of provocative action in the context of the self-fulfillment of the forecast. The conditions for the emergence of self-fulfillment or self-destruction of forecasts are poorly studied, and require special attention, as they are associated with improving the methodology of forecasting and understanding the processes taking place in social reality. Provocation as a form of social action can act as such a condition.*

The methodological basis of the work *is a comparative and substantive content analysis, a systematic approach, a method of describing and comparing individual facts with elements of theoretical provisions.*

Research results. *Using the example of the history of interaction between Russia and NATO, a reasonable assumption was made that provocation as a purposeful rational action or as a result of consistent unilateral decisions can give rise to a situation of self-fulfillment of the forecast. This is possible due to the special determination of the provocative process caused primarily by the axiological foundations of these actions.*

The prospects of the research *are connected with the further deepening of our knowledge about the mechanisms and processes of interaction between forecasts and predicted reality.*

Keywords: *provocation as a socio-psychological and political phenomenon, freedom and determination, axiological attitudes, positive feedback, prognostic paradox, self-fulfillment of the forecast, the Oedipus effect*

For citation: *Vasiliev Y. Yu. Provocative action and self-fulfilling prediction // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 15–24. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-15-24>.*

Введение. Предвидение будущего вкупе с надежными методами прогнозирования и анализом возможных угроз остается актуальной исследовательской задачей. В числе проблем, с которыми сталкивается прогнозирование, можно назвать парадокс самоосуществления или саморазрушения прогноза.

Проблема самоосуществления или саморазрушения прогнозов изучается в разных областях гуманитарной науки. В социологии это проблема «самоосуществляющегося пророчества» (Р. Мертон) [8], в психологии — эффект Розенталя (эффект Пигмалиона) [17], в философии — эффект Эдипа (К. Поппер, А. Гендин) [9; 10; 11; 4]. Этот прогностический парадокс — Эффект Эдипа (здесь и далее ЭЭ) — порождает ком-

плекс гносеологических проблем, касающихся постижения социальной реальности, осуществления воли субъектов и даже ценностно-этических вопросов.

Анализ ЭЭ выявил несколько интересных моментов: во-первых, широкое понимание субъекта прогноза, влияющего на ситуацию, подразумевающую включение всех акторов, причастных к прогнозу [2]; во-вторых, объект прогнозирования, по сути, это любая сущность, развертывающаяся во времени, но «представляющая собой не детерминированную устойчивость, а весьма хрупкую, подверженную воздействиям взаимосвязь, способную развертываться по совершенно разным сценариям» [3, с. 9]; в-третьих, прогностическая информация, побуждающая субъекта

к действию и имеющая ценностную (аксиологическую) составляющую [2].

Но каков же сам механизм самоосуществления или саморазрушения прогноза? Одним из условий его возникновения является способность субъектов влиять на прогнозируемый процесс. Поговорим о конкретных формах этого влияния. В принципе, любые действия людей так или иначе воздействуют на ситуацию, но вмешательство в спрогнозированное будущее ставит вопрос: увидели мы это будущее или мы его сами создали? Прогнозирование и планирование — это разные виды деятельности, и ЭЭ демонстрирует ситуацию, в которой может произойти их смешение. И если подмена понятия ничем не грозит планированию как разновидности субъектной активности, то подмена прогноза планом ставит под сомнение само прогнозирование как вид познавательной деятельности.

Итак, прогнозная информация о будущем побуждает субъекта действовать, и его шаги приводят не к некоему постороннему результату, а собственно к саморазрушению или самоосуществлению прогноза. Что же это за шаги и какие конкретные формы они могут принять?

Россия — НАТО. Провокация. Наблюдение за актуальными политическими и международными событиями побудило автора обратить пристальное внимание на феномен провокации.

Независимо от оценок украинского кризиса, можно смело констатировать, что для всех участников событий ситуация вышла за рамки запланированного сценария. Столь же очевидно, что мы наблюдаем самоосуществление довольно мрачных прогнозов, которые давались многими аналитиками и экспертами [1; 12]. Таким образом, с одной стороны мы располагаем пулом обоснованных прогнозов, предупреждающих, что определенное политическое поведение (в частности расширение НАТО и многолетнее вооруженное противостояние между Донецком и Киевом) приведет к кризису, а с другой стороны — наблюдаем череду политических действий, непосредственно приведших к ожидаемому кризису. В некотором отношении нынешний военно-политический конфликт можно назвать самоосуществившимся прогнозом.

Можно сделать поправку на то, что экспертиза и аналитика такого рода не особо востребована лицами, принимающими государственные решения, и таким образом перед нами не самоосуществившийся прогноз, а просто пример успешного предвидения будущего со стороны экспертного сообщества. Но прогнозы не были закрытыми, а наоборот, весьма широко освещались. Все были информированы, что вероятность конфронтации при сохранении тенденции возрастет. Все заинтересованные структуры знали сценарий, по которому развиваются события. Россия неоднократно предупреждала, что политика односторонних действий приведет к обострению ситуации. Таким образом, речь идет именно о самоосуществлении прогноза.

В чем же проявляется провокативность действий, приведшая к кризису? Прежде всего, это расширение блока НАТО на Восток, проводимое странами Запада в одностороннем порядке. В теориях политики и в конфликтологии давно известна «дилемма безопасности», описанная Дж. Херцем [16], свидетельствующая о том, что односторонние меры по усилению собственной безопасности ведут к таким же мерам и с другой стороны, что в свою очередь приводит не к повышению, а наоборот, к снижению уровня безопасности, что и произошло на практике.

Расширение НАТО проводилось и обосновывалось как расширение зоны мира и безопасности. Подразумевалось (как минимум, в Восточной Европе), что это гарантирует защиту от агрессии России. В то же время самой России, если она не намерена проявлять агрессию, беспокоиться не о чем. В Российской Федерации на это смотрели совершенно иначе. Экспансионистский военный блок последовательно приближался к границам страны, размещая по их периметру военную инфраструктуру, направленную на усиление ударных возможностей, и единственной гарантией безопасности являлись миролюбивые декларации Запада. И это при том, что заключать какие-либо обязывающие договоры на Западе не собирались.

Теперь же действия России используются на Западе как доказательство ее агрессивности и, как следствие, дальновидности решения о расширении НАТО. В свою очередь, Россия убедилась, что опасения относи-

тельно враждебных намерений НАТО были верны, несмотря на все заверения в мирных намерениях. В ходе возникшего конфликта каждая сторона увидела подтверждение своих опасений.

Со стороны «коллективного Запада» это была беспроигрышная стратегия. Если Россия не противодействует расширению НАТО, Запад увеличивает возможности военного контроля и расширяет сферу политического влияния. Если Россия противодействует Западу, это лишь подтверждает правильность политики расширения НАТО, направленной на ее сдерживание. На что это похоже? На самую примитивную провокацию. Вызвать своими действиями ответную реакцию и представить ее как агрессию, подтверждающую обоснованность превентивных мер.

Поведение Запада в области расширения НАТО проанализировано достаточно подробно, и причины этого поведения известны. В американской военно-политической доктрине безопасность является высшей целью политики, а единственным путем гарантировать безопасность является проекция силы, то есть наличие военного превосходства [13]. Тот факт, что опасения российской стороны либо показательно игнорировались, либо отменялись, полностью исключает непреднамеренность Запада в вопросе реакции России. На Западе ждали именно такой реакции и провоцировали ее, будучи полностью уверенными в собственном превосходстве.

Таким образом, современные международные политические события стали яркой иллюстрацией самоосуществляющихся прогнозов. При этом не может не вызывать беспокойства детерминистичность происходящего: «Никто не хотел войны, война была неизбежна» (Б. Такман, «Августовские пушки»). Стороны последовательно действовали в рамках собственной логики, и противоречивость этих устремлений постепенно доводила уровень противостояния до критического.

Это заставляет нас более внимательно присмотреться к феномену провокации. Возможно, это одна из конкретных форм той самой обратной связи, которая и приводит к саморазрушению или самоосуществлению прогноза.

Что же такое провокация? Термином «провокация» описывается достаточно большой пласт явлений. В бытовом смысле провокацией называют негативно оцениваемое действие одной стороны, направленное на побуждение к действию другой стороны. Оно может выражаться в подстрекательстве, когда человека побуждают сделать нечто влекущее за собой необоснованный риск, очевидное наказание или негативные последствия. Так подростки подначивают своих приятелей на шалости, беря их «на слабó», или манипуляторы намеренно вызывают агрессивную реакцию на свои поступки, чтобы выставить себя в качестве невинной жертвы.

Справедливости ради отметим, что есть и другие области жизни, где провокация не носит столь явного негативного оттенка, то есть она рассматривается как допустимый прием, вызывающий нужную реакцию. В научных кругах термин «провокация» иногда употребляют как синоним побуждения к чему-либо. Провокация в ряде случаев используется как журналистский, художественный или даже педагогический прием, помогающий провоцируемому лучше понять некую мысль или идею. В медицинской практике провокация — это побуждение организма к иммунной реакции. Применяется понятие провокации и для довольно широких культурных и социальных обобщений. Ю. Лотман рассматривал провокацию как один из «механизмов выработки неопределенности», обеспечивающих жизнестойкость и возможность саморазвития культуры как сверхсложной системы [7, с. 90–91]. То есть провокация выступает как механизм, с помощью которого устоявшаяся и «замшелая» культура получает новый импульс от какой-либо инновации или контркультуры и тем самым вновь обретает динамику. Иронично, что в современной культуре провокация превратилась в постмодернистскую «провокативность», в типовой эпатажный прием, который всё меньше раздражает при всё больших усилиях и надежно встроена в господствующую культуру. Даже поведение некоторых юродивых и пророков в древности можно характеризовать как намеренное, оскорбительное и шокирующее, и объяснялось оно тем, что донести до равнодушной публики некие истины можно было только

эпатажем, обычное морализаторство никого не трогало [14]. Иными словами, юродивый пророк инициировал агрессию, чтобы вызвать ответную агрессию, привлечь внимание и тем самым донести свою мысль. В философии метод провокации также имеет солидную традицию и восходит к Сократу с его иронически показательным неведением, побуждающим собеседника рассуждать в нужном Сократу направлении.

Однако в данном случае мы рассмотрим провокацию в традиционно зауженном негативном аспекте. Определение провокации в таком ракурсе носит оценочный характер. Л. Ю. Зайцева указывает, что понятие «провокация» включает как агрессивные действия против кого-либо, так и подстрекательство к чему-либо. Кроме того, провокация может означать создание нестабильной ситуации выбора, но при этом всегда подталкивает к определённом выбору [6]. В трактовке А. В. Глуховой, провокация — это действия, имеющие целью оказать влияние на другого человека, чтобы склонить его к совершению всеми осуждаемого поступка, а затем подвергнуть санкциям за этот поступок [5]. Двойная цель: провокатор сначала стремится совершить провокативные действия, задачей которых в свою очередь является склонение провоцируемого к ожидаемой реакции.

Но наиболее точное определение провокации применительно к ситуации самоосуществления военно-политических прогнозов, на наш взгляд, дал А. Тарасов: «Провокация как таковая — это действие, рассчитанное не на прямой успех, а на то, чтобы побудить противника совершить ответное действие, в данный момент для него невыгодное или же делающее ясной неясную до того ситуацию» [15]. «Провокации делятся на такие, которые НЕИЗБЕЖНО влекут за собой желательную для провокатора реакцию, и на такие, успех или неуспех которых зависит в значительной степени и от провоцируемого» [15].

В целом это заслуженно негативно оцениваемое поведение является, увы, укорененным и широко практикуемым во всех сферах жизни для достижения самых разнообразных целей. Как отмечает А. В. Глухова [5], провокацию используют и для дискредитации или компрометации, и для обоснования репрессий, и для получения выгод и преимуществ,

и даже для имитации (подмены реальных действий фикциями).

Почему же провокация столь популярна? Потому что это управляемый процесс. Его природа такова, что позволяет провокатору контролировать поведение провоцируемого. Но и сам провокатор отнюдь не обладает большой свободой, хотя уверен в обратном.

Дело в том, что провокация — это детерминированный процесс. Его участники, может быть, и рады что-то изменить и как-то расширить степени свободы, но логика провокативного действия ограничивает инициаторов провокации в той же мере, что и их жертв. Войти в такую ситуацию легко, выйти — очень сложно.

Попробуем проанализировать составляющие этой детерминации. Прежде всего, она двойственна. Она представляет собой не просто навязанный выбор, но и строго неизбежные последствия каждого из выбранных вариантов. Это и развилка на два пути, с каждого из которых уже не свернуть, и очевидные тупики, в которые эти пути ведут. Это иллюзия выбора, «выбор без выбора» между плохим и очень плохим.

Резюмируем суть провокации. Итак: 1. Односторонними действиями создается ситуация, затрагивающая интересы другой стороны. 2. Другая сторона не может находиться в такой ситуации, ибо обоснованно видит в ней покушение или посягательство на свои интересы. 3. Если не отреагировать на это посягательство, то в следующий раз это повторится, и степеней свободы будет еще меньше. Поддаться на давление — значит признать его действительность и спровоцировать провоцирующую сторону на повторение успешного сценария. Уступки в ответ на односторонние действия повлекут их повторение и потребуют дальнейших уступок. 4. Если провоцируемая сторона резко реагирует и не уступает, в дело вступает вторая часть. Негативная реакция провоцируемого объявляется не реакцией, а инициативой. Провоцируемый объявляется зачинщиком конфликта, а следовательно, виновной стороной. И чтобы искупить вину, он должен пойти на уступки и прекратить конфликт. Итак, в обоих случаях от провоцируемого требуется уступить. Выбор без выбора.

Характер провокативной детерминации. Можно поднять вопрос о природе такой детерминанты, ведь, выявив причину, по которой ситуация становится детерминированной, можно искать решения по ее предотвращению или разрешению.

Первое, что приходит на ум, — это морально-ценностное описание провокативной ситуации. Так, одной из важнейших характеристик субъекта является свобода воли. Люди, группы людей, сообщества и целые народы крайне болезненно воспринимают внешние меры, направленные на ограничение их свободы. В этом аспекте свобода выступает как аксиологическое понятие, как ценность. В свою очередь ценность свободы имеет и моральное измерение. Принуждать, лишать свободы выбора — это зло. Именно поэтому в моральном отношении провокация — это подлость. Любая провокация подразумевает конфликт. Следовательно, возникает еще одна ценность: безопасность. Детерминизм провокативной ситуации проявляется еще и в том, что свобода и безопасность сливаются для провоцируемого воедино. Покушение на безопасность (односторонние шаги, потенциально угрожающие безопасности) воспринимается как покушение на свободу выбора. И наоборот, заведение ситуации в тупик (утрата свободы выбора) расценивается как покушение на безопасность. Аксиологически обусловленная социальная детерминация — это форма социального действия. Страх потерять свободу как ценность — вот что детерминирует поведение людей в ситуации провокации, делает их поступки однозначными и легко предсказуемыми. Что же заставляет провоцируемую сторону действовать детерминировано, однозначно и с ущербом для себя? Создание условий, при которых контроль над ситуацией переходит в руки провокатора. Для провоцируемого переход от свободного состояния в состояние зависимое неприемлем. Реакция на такое положение вещей будет однозначно агрессивной. Покушение на свободу со стороны провокатора и создание условий выбора между плохим и очень плохим побуждает провоцируемого разрубить «гордиев узел» немедленно даже ценой собственных потерь.

Сюда же относится страх. Страх «спровоцировать», то есть дать повод для «обосно-

ванной» агрессии. Он не побуждает к действиям, а наоборот, парализует волю. В целом и провокация, и страх спровоцировать — это проекция силы. Сильный не боится ни спровоцировать, ни поддаться на провокацию; он не боится агрессии, и более того — готов к ней и строит на ней свой расчет. Заведомо не готовый к конфликту боится и спровоцировать, и самому стать жертвой провокации. Есть ситуации, когда провоцируемый своими же действиями загоняет себя в заведомо невыгодное положение. Так, например, расценивается историками знаменитое сообщение ТАСС от 13 июня 1941 года. Страх — негативное чувство в любой системе ценностей, следовательно, то, что вызывает страх, оценивается тоже негативно.

Но у аксиологического описания провокации есть недостаток: явно выраженный психологизм. Ситуации провокативного характера подразумевают субъект-субъектный уровень. Именно у людей созревает намерение, люди совершают поступки, люди дают оценку, люди руководствуются интересами, принципами, ценностями, эмоциями и страхом в том числе.

Но может ли провокативная ситуация возникнуть независимо от личной воли? Видимо, да. На социально-политическом уровне психологические мотивы отдельных субъектов естественным образом отходят на задний план. Общественное благо, лежащее в основе политики, должно быть рационально и публично обосновано, то есть должны быть учтены различные интересы разных социальных, политических и экономических групп. Может ли в основе рациональной и обоснованной политики лежать ошибочная идея, неверная интерпретация, неправильно понятые принципы? Да, безусловно. Но в любом случае зарождение провокативной ситуации на социальном уровне не обусловлено намерениями отдельных интриганов и манипуляторов. Оно обусловлено внутренней логикой принимаемых решений, направленных на достижение публично заявленных целей. Публичная цель НАТО — военная безопасность. Наиболее очевидный путь достижения этой цели — расширение зоны безопасности. Так, сменяемые и выборные политики Запада на протяжении десятилетий последовательно проводили

политику расширения НАТО. Персоналии сменяли друг друга, но политический вектор оставался неизменным. Заданная инерция настолько масштабна, что отдельный человек не может в одночасье свернуть с выбранного десятилетия назад курса. Процесс набрал инерцию в виде принятых решений, выделенных средств, долгосрочных планов; пропорционально возросла и его детерминация. И остановить этот процесс просто так, волевым решением, стало практически невозможно. Иными словами, здравомыслящие политики Запада сами оказались в заложниках ситуации и не имеют уже тех степеней свободы, которые были в руках Запада на начальном этапе. Ситуация детерминирует и подчиняет своей логике не только жертв провокации, но и самих провокаторов.

Таким образом, возникает интерес описать провокативный процесс, дистанцируясь от личностных эмоциональных или ценностных установок. Например, детерминированность провокативных связей, процессов и отношений можно описать в терминах системного анализа, как пример работы положительных и отрицательных обратных связей в социальной среде. Тут тоже проявляются интересные проблемы.

На первый взгляд, провокация — это пример положительной обратной связи, усиления сигнала. Заложенный в основе провокации конфликт усиливается при ее развитии. Так, провоцирующая сторона хочет получить преимущество и уступки и получает их, а если не получает, то проявляет агрессию.

Есть и содержательный контекст. Зачастую он не важен. Так, провокатору не важно, по какой теме, проблеме или вопросу «зацепить» провоцируемого. Важно втянуть его в ситуацию уступок и конфликта. Но контекст от этого не исчезает. Сама заявленная тема, ее содержание, сам вопрос, на котором строится провокация, тоже влияет на ситуацию. А если провокатор не только строит интригу, но и заинтересован в определенном исходе ситуации, на базе которой он затеял провокацию, возникает отрицательная обратная связь. Например, персонаж пьесы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» постоянно затевал дуэли, используя как повод характерные особенности собственной внешности (большой нос) и зачастую про-

воцируя соперников на насмешки, а потом вызывая их на бой. Но сама проблема некрассивой внешности, по сути, перед Сирано всё равно стояла. Так и с конфликтом Россия — НАТО. Рассматривая политику НАТО в данном конфликте, мы наблюдаем абсурдную ситуацию, ведь основная декларируемая и содержательная цель политики — это военная безопасность, постоянное повышение ее уровня. Фактически мы видим, что НАТО не желала конфликта, но делала всё, чтобы он созрел и возник. Или, напротив, желала конфликта и сознательно лгала. А при каких условиях провоцирующая сторона не боится конфликта? Когда верит, что всё контролирует и является заведомо более сильной. Очевидно, в таком случае не надо бояться обострений и конфронтации. Но если НАТО не боится обострений конфронтации, эскалации конфликта и повышения уровня непредсказуемости, то как в таком случае достичь официальных заявленных целей — укрепления безопасности? Потому что де-факто расширение НАТО привело к резкому снижению безопасности и повышению напряженности. Абсурд.

Таким образом, не зависящий от воли субъектов инерционный процесс в своем развёртывании и по внутренней логике разрушает не только позицию провоцируемой стороны, но и позицию провоцирующей стороны.

Выводы. Как же это затрагивает проблематику социального прогнозирования и парадокс Эдипа в частности? Как мы уже сказали, долгая история противостояния Россия — НАТО — это яркий пример самоосуществившегося прогноза. Политика укрепления безопасности — это объективный процесс. Прогноз о том, что именно эта конкретная политика приведет к кризису, — это тоже классический прогноз. Самоосуществившимся пророчеством ситуация становится, когда опасения России показательно игнорируются, несмотря на опасность конфронтации. Решение поддерживать политический курс на безопасность, несмотря на предупреждения, это и есть самоосуществление пророчества: предупреждения о том, что данный курс способен обострить международную ситуацию, получены, учтены, признаны верными и курс на конфронтацию

показательно продолжен. В дело вступает логика провокации.

И последнее, что хотелось бы отметить. Наш мир устроен так, что в нем гораздо легче разрушать, чем созидать. Игнорировать чужие интересы при достижении собственных проще, чем стремиться достичь компромисса. Инициировать процессы, которые приводят к кризису, не оставляя выбора участникам, легче, чем последовательно выстраивать полноценное и равноправное сотрудничество. Провокация проста в своем появлении и устойчива в своей динамике, ибо в силу ряда причин это самоподдерживающийся процесс. Но ведет она к разрушению. Она разрушает доверие, порядок, влечет репутационные и организационные потери для всех сторон. Это столь же легко прогнозируемый итог любого спровоцированного конфликта.

Список источников

1. Баранов Н. А., Попов П. В. Стратегии гибридных войн стран НАТО как вызов Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. №2. С. 79–86.

2. Васильев Я. Ю. Проблема субъекта в социальном прогнозировании (постнеклассический подход) // SocioTime / Социальное время. 2019. №1(17). С. 9–20.

3. Васильев Я. Ю. Эффект Эдипа и его структура // Социально-гуманитарные науки и практики в XXI веке: человек и общество в меняющемся мире: материалы Пятнадцатой Международной научной конференции. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2019. 388 с.

4. Гендин А. М. Эффект Эдипа и методологические проблемы социального прогнозирования // Вопросы философии. 1970. №4. С. 80–89.

5. Глухова А. В. К вопросу о роли провокации в политике // Власть. 2016. №03. С. 92–96.

6. Зайцева Л. Ю. Провокация как архетипический феномен истории // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. №18. С. 20–25.

7. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин: TLUPress, 2010. 232 с.

8. Мертон Р. Глава XIII. Самоосуществление пророчества // Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006. 873 с.

9. Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. №8. С. 49–79.

10. Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. №9. С. 22–48.

11. Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. №10. С. 29–58.

12. Рябков С. А. Условие для перехода России к политике сдерживания США [Электронный ресурс] // РИА Новости. 17 февраля. URL: <https://ria.ru/20210217/sderzhivanie-1597795282.html> (дата обращения: 19.08.2023).

13. Сугак О. А. Отражение американских теоретических подходов к безопасности в американо-российском диалоге // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №10. Ч. 1. С. 180–184.

14. Сычев А. А. К истокам этики юродства // Этическая мысль. 2017. Т. 17. №1. С. 114.

15. Тарасов А. Провокация. Версия событий 3–4 октября 1993 года в Москве [Электронный ресурс]. URL: https://scepis.net/library/id_2571.html (дата обращения: 19.08.2023).

16. Herz J. H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. 1950. Vol. 2. №2. Pp. 157–180.

17. Rosenthal R., Jacobson L. Pygmalion in the classroom // The urban review. September 1968. Vol. 3(1). Pp. 16–20.

References

1. Baranov N. A., Popov P. V. Strategii gibridnyh vojn stran NATO kak vyzov Rossijskoj Federacii [Strategies of hybrid wars of NATO countries as a challenge to the Russian Federation]. *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics]. 2019; (2): 79–86. (In Russ.).

2. Vasil'ev Ja. Ju. Problema sub'ekta v social'nom prognozirovanii (postneklassicheskij podhod) [The problem of the subject in social forecasting (postnonclassical approach)]. *SocioTime / Social'noe vremja*. 2019; 1(17): 9–20. (In Russ.).

3. Vasil'ev Ja. Ju. Jeffekt Jedipa i ego struktura [The Oedipus effect and its structure]. *Social'no-gumanitarnye nauki i praktiki v XXI veke: chelovek i obshhestvo v menjajushhem-sja mire: materialy Pjatnadcatoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Socio-humanitarian sciences and practices in the XXI century: man and society in a changing world: proceedings of the Fifteenth International Scientific Conference]*. Joshkar-Ola: Povolzhskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet, 2019. 388 p. (In Russ.).
4. Gendin A.M. Jeffekt Jedipa i metodologicheskie problemy social'nogo prognozirovaniya [The Oedipus effect and methodological problems of social forecasting]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*. 1970; (4): 80–89. (In Russ.).
5. Gluhova A. V. K voprosu o roli provokacii v politike [On the role of provocation in politics]. *Vlast' [Power]*. 2016; (03): 92–96. (In Russ.).
6. Zajceva L. Ju. Provokacija kak arhetipicheskiy fenomen istorii [Provocation as an archetypal phenomenon of history]. *Prioritetnye nauchnye napravlenija: ot teorii k praktike [Priority scientific directions: from theory to practice]*. 2015; (18): 20–25. (In Russ.).
7. Lotman Ju. M. Nepredskazuemye mehanizmy kul'tury [Unpredictable mechanisms of culture]. Tallin: TLUPress, 2010. 232 p. (In Russ.).
8. Merton R. Glava XIII. Samoosushhestvlenie prorochestva [Chapter XIII. Self-fulfillment of the prophecy]. *Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure]*. Moscow: Hranitel', 2006. 873 p. (In Russ.).
9. Popper K. Nishheta istoricizma [Poverty of historicism]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*. 1992; (8): 49–79. (In Russ.).
10. Popper K. Nishheta istoricizma [Poverty of historicism]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*. 1992; (9): 22–48. (In Russ.).
11. Popper K. Nishheta istoricizma [Poverty of historicism]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*. 1992; (10): 29–58. (In Russ.).
12. Rjabkov S.A. Uslovie dlja perehoda Rossii k politike sderzhivaniya SShA [The condition for Russia's transition to a policy of containment of the United States] [Jelektronnyj resurs]. RIA Novosti. 17 fevralja. URL: <https://ria.ru/20210217/sderzhivanie-1597795282.html> (data obrashhenija: 19.08.2023). (In Russ.).
13. Sugak O.A. Otrazhenie amerikanskih teoreticheskikh podhodov k bezopasnosti v amerikano-rossijskom dialoge [Reflection of American theoretical approaches to security in the American-Russian dialogue]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]*. 2012; 10(1): 180–184. (In Russ.).
14. Sychev A.A. K istokam jetiki jurodstva [Towards the origins of the ethics of foolishness]. *Jeticheskaja mysl' [An ethical thought]*. 2017; 17(1): 114. (In Russ.).
15. Tarasov A. Provokacija. Versija sobytij 3–4 oktjabrja 1993 goda v Moskve [The version of events on October 3–4, 1993 in Moscow] [Jelektronnyj resurs]. URL: https://scep-sis.net/library/id_2571.html (data obrashhenija: 19.08.2023). (In Russ.).
16. Herz J.H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // *World Politics*. 1950; 2(2): 157–180.
17. Rosenthal R., Jacobson L. Pygmalion in the classroom // *The urban review*. September 1968; 3(1): 16–20.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted on 25.10.2023; approved after reviewing on 15.11.2023; accepted for publication on 04.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Яков Юрьевич — старший преподаватель кафедры документоведения истории и философии, Ухтинский государственный технический университет (УГТУ).

Россия, г. Ухта, ул. Первомайская, 13

Yakov Yu. Vasiliev — Senior Lecturer of the Department «Documentation of History and Philosophy», Ukhta State Technical University (USTU).

13 Pervomayskaya str., Ukhta, Russia
